Издательство
«Детская литература»

Школьная библиотека

Добрыня и Змей

Две былины

Издательство
«Детская литература»
Москва 1969

РФ
Д 57

В книге помещены две былины о герое русского эпоса Добрыне Никитиче, записанные в 1871 году от крестьян с Онежского озера.

Рисунки И. АРХИПОВА

7—6—2

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
«Ты не езди-ка далече во чисто́ поле́,
На тую́ гору́ да сорочи́нскую,
Не топчи-ка мла́дыих змеёнышей,
Ты не выручай-ка по́лонов да русскиих,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реке[1],
Но Пучай-река очень свирепая,
Но середняя-то струйка как огонь сечёт!»

[1] Пуча́й-река; Почайна — небольшая речка, впадавшая в Днепр.

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто́ поле́,
А на тую́ на гору́ сорочи́нскую,
Потоптал он мла́дыих змеёнышей,
А й повыручил он по́лонов да русскиих.

Богатырско его сердце распотелося,
Распотелось сердце, нажаде́лося —
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цве́тное,
Да забрёл за струечку за первую,
Да забрёл за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
«Мне, Добрынюшке, матушка й говаривала,
Мне, Микитичу, маменька й наказывала:
Что не езди-ка далече во чисто́ поле́,
На тую́ гору́ на сорочи́нскую,
Не топчи-ка мла́дыих змеёнышей,
А не выручай по́лонов да русскиих,
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечёт!
А Пучай-река — она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождёвая!»

Не успел Добрыня словца смолвити —
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния —
А как летит Змеище Горынище

О тыéх двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи да приужáхнется.

Говорит Змея ему проклятая:
«Ты теперича, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!»

Припадает Змея как ко быстрóй реке,
А Добрынюшка-то плáвать он горазд ведь был:
Он нырнёт на бережок на тамошний,
Он нырнёт на бережок на здешниий.
А нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цвéтных -
Только-то лежит один пухóв колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой[1];
По весу тот колпак да в целых три пудá.

Как ухватит он колпак да земли греческой,
Он шúбнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хóботов.

Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он повёрток был,
Он вскочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.
А Змея Добрыне ему взмолилася:

---

[1] Колпак земли греческой — очевидно, греческая шапка, шляпа.

«Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто́ поле́,
На тую́ на гору́ сорочи́нскую,
Не топтать бо́льше мла́дыих змеёнышей,
А не выручать по́лонов да русскиих,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.
И мне не летать да на свя́тую Русь,
Не носить людей мне больше русскиих,
Не копить мне по́лонов да русскиих».

Он повыпустил Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под о́блако.

Случило́сь ей летать да мимо Киев-града.
Увидала она кня́зеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по ши́рокой.
Тут припа́дает Змея да ко сырой земле,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

Тогда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут былиц[1] кли́ка́л,
А былиц кли́ка́л да славных рыцарей:
«Кто бы мог съездить далече во чисто́ поле́,
На тую́ на гору́ сорочи́нскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну?»

Говорил Алёшенька Левонтьевич:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!

[1] Были́ца — гадалка на травах (от бы́лье́, бы́линка — трава, растение).

Ты накинь-ко эту службу да великую
На того Добрыню да Никитича:
У него ведь со Змеёю заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто́ поле́,
Не топтать-то мла́дыих змеёнышей
Да не вы́ручать по́лонов да русскиих.
Так возьмёт он князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития».

Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинул эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чисто́ поле́
И достать ему князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну.

Он пошёл домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает государыня да ро́дна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
«Ты эй, рожёно моё дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идёшь не весел-то?
Знать, что место было ти не по́ чину,
Знать, чарой на пиру тебя прио́бнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де?»

Говорил Добрыня сын Никитинец:
«Ты эй, государыня да ро́дна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!

Место было мне-ка по́ чину,
Чарой на пиру меня не о́бнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинул службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чисто́ поле́,
На тую́ гору́ да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокую,
Мне достать-то князеву племянницу,
Молоду́ Забаву дочь Потятичну».

Говорит Добрыне ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
«Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера».

Он ставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белёшенько,
Снаряжается он хорошохонько.
Да идёт на конюшню на стоялую,
А берёт в руки узду он да тесьмяную,
А берёт он дедушкова да ведь добра́ коня.
Он поил Бурка́ питьём медвяным,
Он кормил пшено́й да белояровой [1],
Он седлал Бурка́ в седёлышко черкасское,
Он по́тнички да клал на по́тнички,
Он на по́тнички да кладёт войлочки,
Клал на войлочки черкасское седёлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих по́дпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,

[1] Пшено белояро́во — кукуруза или пшено.

Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра мо́лодца в чисто́м поле не вырутил.
По́дпруги были́ шелко́вые,
А шпеньки у по́дпруг всё булатные,
Пряжки у седла да красна золота —
Тот да шёлк не рвётся, да булат не трётся,
Красно золото не ржа́веет,
Молоде́ц-то на коне сидит да сам не ста́реет.
Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плётку подала,
Сама говорила таковы слова:
«Как будешь далече во чисто́м поле́,
На тыи́ горы да на высокия,
Потопчешь мла́дыих змеёнышей,
Повыручишь по́лонов русскиих,
Как тыи́-то мла́дые змеёныши
Подточат у Бурка́ как они щёточки,
Что не сможет больше Бу́рушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ка эту плёточку шелко́вую,
А ты бей Бурка́ да промежу́ ноги́,
Промежу́ ноги́ да промежу́ уши́,
Промежу́ ноги́ да ме́жу задние, —
Станет твой Бу́рушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого».

Как будет он далече во чисто́м поле́,
На тыи́ горы да на высокия,
Потоптал он мла́дыих змеёнышей.
Как тыи́ ли мла́дые змеёныши
Подточили у Бурка́ как они щёточки,

Что не может больше Бу́рушко поскакивать,
Змеёнышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берёт он плёточку шелко́вую,
Он бьёт Бурка́ да промежу́ уши́,
Промежу́ уши́ да промежу́ ноги́,
Промежу́ ноги́ ме́жу задние.
Тут стал его Бу́рушко поскакивать,
А змеёнышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из тыи́ норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
«Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал мла́дыих змеёнышей,
Почто выручал по́лоны да русские?»

Говорил Добрыня сын Никитинец:
«Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Ты зачем взяла князеву племянницу?
Ты отдай же мне-ка князеву племянницу
Без боя, без драки-кроволития».

Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
«Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!»

Заводила она бой-драку великую.
Они дра́лись со Змеёю тут трои́ суткы́,
Но не мог Добрыня Змею перебить.

Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
«Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеёю ты трои́ суткй́,
Подерись со Змеёй ещё три часа:
Ты побьёшь Змею да ю[1], проклятую!

Он подрался со Змеёю ещё три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую, —
Та Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трои́ суткй́,
А не мог Добрыня-то крови́ переждать.
Хотел Добрыня от крови́ отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
«Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови́ ты тут трои́ суткй́ —
Постой у крови́ да ещё три часа,
Бери своё копьё да мурзамецкое[2]
И бей копьём да о сыру́ землю́,
Сам копью да приговаривай:
«Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошёл,
Во тыи́ в норы да во глубокие.
Там сидит сорок царей, сорок царевичей,

---

[1] Ю — «её» по-древнерусски.

[2] Мурзаме́цкое — восточное.

Сорок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет[1].
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
«Вы идите нынь туда, откель принéсены.
А ты, мóлода Забава дочь Потятична,—
Для тебя я эдак теперь странствовал —
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру».

И повёз молоду Забаву дочь Потятичну.

[1] Смéты нет — нет числа. Смéтить — пересчитать.

В стольном городе во Киеве,
А у ласкового князя у Владимира,
Заводился у князя почестный пир
А на многи кня́зя, на бо́яра
И на все поля́ницы[1] уда́лые.
Все на пиру напивалися,
Все на пиру наедалися,
Все на пиру да пьяны-веселы.

[1] Поля́ница — здесь: богатыри.

Говорит Владимир стольно-киевский:
«Ай же вы кня́зи мои бо́яра,
Сильные могучие бога́тыри!
А кого мы пошлём в Золоту орду
Выправлять-то даней-выходов
А за старые годы, за новые —
За двенадцать лет.
А Алёшу Поповича нам послать,
Так он, мо́лодец, холост не женат:
Он с девушками загуляется,
С молодушками он да забалуется.
А пошлёмте мы Добрынюшку Никитича:
Он мо́лодец женат, не́ холост,
Он и съездит нынь в Золоту орду,
Выправит дани-выходы
Да за двенадцать лет».

Написали Добрыне Никитичу посольный лист.
А приходит Добрынюшка Никитинич к своей матушке,
А к честной вдове Амельфе Тимофеевне,
Просит у ней прощеньица-благословеньица:
«Свет государыня, моя матушка!
Дай ты мне прощение-благословеньицо
Ехать-то мне в Золоту орду,
Выправлять-то дани-выходы
За двенадцать лет».

Остаётся у Добрыни молода жена,
Молода жена, любима семья,
Молода Настасья Микулична.
Поезжат Добрыня, сам наказыват:
«Уж ты ай же моя молода жена,
Молода жена, любима семья,

Жди-тко ты Добрыню с чиста поля меня три́ года.
Как не буду я с чиста поля да перво три года,
Ты ещё меня жди да и друго три года.
Как не буду я с чиста поля да друго три года,
Да ты ещё меня жди да третьё три года.
Как не буду я с чиста поля да третьё три года,
А там хоть ты вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за сильного поди ты за бога́тыря.
А только не ходи ты за смелого Алёшу Поповича,
Смелый Алёша Попович мне крестовый брат[1],
А крестовый брат паче родного».

Как видели-то мо́лодца седучись,
А не видели удалого поедучись.

Да прошло тому времечки девять лет,
А не видать-то Добрыни из чиста́ поля.
А как стал-то ходить князь Владимир свататься
Да на мо́лодой Настасье Микуличне
А за смелого Алёшу Поповича.
«А ты с-добра не пойдёшь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму ещё в постельницы,
Так я тебя возьму ещё в коровницы».

«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты ещё прожди-тко три́ года.
Как не будет Добрыня четверто три́ года,
Так я пойду за смелого Алёшу за Поповича».

[1] Крест о́ вый брат.— В других былинах рассказывается о том, как во время поединка Добрыни и Алёши их помирил Илья Муромец; они обменялись нательными крестами и стали «крестовыми братьями».

Да прошло тому времени двенадцать лет,
Не видать, не видать Добрынюшки с чиста́ поля.
Ай тут пошла Настасья Микулична
Да за смелого Алёшу Поповича.
Да пошли они пировать-столовать к князю Владимиру.

Ажно мало и по мало из чиста́ поля
Наезжал удало́й дородный добрый молодец,
А сам на коне быв ясён сокол,
А конь тот под ним будто лютый зверь.
Приезжает ко двору да ко Добрынину,
Приходи́т Добрыня Никитич тут
В дом тот Добрыниный.
Он крест тот кладёт по-писаному,
Да поклон тот ведёт по-учёному,
Поклон ведёт да сам здравствует:
«Да ты здравствуй, Добрынина матушка!
Я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался,
Он велел подать гусли скоморошные[1],
Он велел подать платья скоморошьи,
Он велел подать дубинку скоморошьюю,
Да идти мне ко князю Владимиру да на почестен пир».

Говорит тут Добрынина матушка:
«Отойди прочь, детина засельщина,
Ты засельщина детина, деревенщина!
Как ходят старухи кошельницы,
Только носят вести недобрые:
Что лежит убит Добрынюшка в чистом поле,
Головой лежит Добрыня ко Пучай-реке,
Резвыми ножками Добрыня во чисто́ поле,

[1] Гу́сли — старинный струнный музыкальный инструмент, на котором играли бродячие артисты — скомороха́.

Скрозь его скрозь кудри скрозь жёлтые
Проросла тут трава муравая,
На траве расцвели цветочки лазуревы,
Как его-то теперь молода жена,
Молода жена, любима семья,
Да выходит-то за смелого Алёшу за Поповича».

Он ей и говорит-то второй након:
«Да ты здравствуй ли, Добрынина матушка,
Ты честна вдова Амельфа Тимофеевна!
Я вчера с твоим Добрынюшкой разъехался.
Он велел подать гусли скоморошные,
Он велел подать платья скоморошьии,
Он велел подать дубинку скоморошьюю
Да идти мне к князю Владимиру да на почестен пир».

«Отойди прочь, детина засельщина!
Кабы было живо моё красное солнышко,
Молодой тот Добрынюшка Никитинич,
Не дошло бы те невеже насмехатися,
Уж не стало моего красного солнышка,
Да не что мне делать с платьями скоморошьими,
Да не что мне делать с гуслями скоморошьими,
Да не что мне делать с дубинкой скоморошьею».

Тут-то ходила в погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьии,
Приносила гусёлышки яровчаты [1],
Принесла она дубину скоморошьюю.
Тут накрутился молодой скоморошинко,
Удалый добрый мо́лодец,
Да пошёл он к князю Владимиру на почестный пир.
Приходил он во гридню [2] столовую,

[1] Я́рово́вчаты — из я́вора, дерева наподобие клёна.
[2] Гри́дня — комната для дружины князя.

Он крест тот кладёт по-писаному,
Да поклон ведёт по-учёному,
Он кланяется да поклоняется
Да на все на четыре на стороны.
Он кланяется там и здравствует:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский,
Да со многими с князьями и со боярами,
Да со русскими могучими богатырями,
Да со своей-то с душечкой с княгиней со Апраксией!»

Говорит ему князь Владимир стольно-киевский:
«Да ты поди-тко, моло́да скоморошинка!
А вси тыи места у нас нынь заняты,
Да только ме́стечка немножечко
На одной-то печке на муравленой[1]».

Да тут скочил моло́да скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заиграл он в гусёлушки яровчаты.
Он первую завёл от Киева до Ерусолима,
Он другу завёл от Ерусолима да до Царяграда[2],
А все пошли напевки-ты Добрынины.

А й тут-то князь Владимир распотешился,
Говорит он моло́дой скоморошинке:
«Поди-тко сюды, моло́да скоморошинка!
А я тебе дам теперь три места:
А первое-то место подле меня,
А другое место опротив меня,
Третьёё противо княгини Настасьи Микуличны».

[1] Мура́вленая — изразцовая: зелёная расписная, с узорами (от мурава — трава).

[2] То есть длинные, как расстояние от Киева до Иерусалима и от Иерусалима до Царьграда.

А тут-то моло́да скоморошинка
Садился он в скамейку дубовую,
Да проти́во Настасьи Микуличны.
А тут-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина в полтора ведра
Да турий тот рог мёду сладкого,
Подносила она Добрынюшке Никитичу.

А й тут-то Добрынюшка Никитинич
Да брал он чару зелена вина в полтора ведра,
А брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единый дух,
Да й турий рог выпил мёду сладкого,
Да спускал он в чару перстень зла́ченый,
Которым перстнем с ней обручался он.
Да говорит он Настасье Микуличне:
«Ты гляди-тко, Настасья Микулична,
Во чару гляди-тко злачёную».

Как поглядела Настасья Микулична
В тую чару золочёную,
Взяла в руки злачён перстень.
Говорит тут Настасья Микулична:
«Да не тот муж — который подле меня сидит,
А тот мой муж — который противо меня сидит».

А тут-то Добрыня Никитинич,
Да скочил Добрыня на резвы ноги,
Да брал Алёшу за желты кудри,
Да он выдёргивал из-за стола из-за дубового,
А стал он по гридне потаскивать,
Да стал он Алёше приговаривать:
«Не дивую я разуму женскому,

Да дивую я ти, смелый Алёша Попович ты,
А ты-то, Алёшенька, да мне крестовый брат.
Да ещё тебе дивую, старый ты князь Владимир стольно-киевский!
А сколько я те делал выслуг-то великиих,
А ты всё, Владимир, надо мной надсмехаешься.
Да теперь я выправил из Золотой орды,
Выправил дани и выходы
За старые годы, за новые.
Везут тебе три телеги ордынские:
Три телеги злата и серебра».

Тут он взял свою молоду жену,
Молоду жену, любиму семью,
Да повёл Добрыня к своей матушке.
Да тут ли Алёшенька Попович тот,
Да ходит по гридне окоракою,
А сам ходит приговариват:
«Да всяк-то на сем свете женится,
Да не всякому женитьба удавается».

А только Алёшенька женат бывал.

Послесловие

Две былины, которые вы только что прочитали, были записаны почти сто лет тому назад в деревнях у Онежского озера. В те годы здесь ещё многие старики помнили былины, ста́рины, как их называли крестьяне, и пели их односельчанам. Книг тогда было мало в деревнях, да и грамотных людей было немного, и былины, сказки охотно слушали и взрослые и дети.

Былина «Добрыня и Змей» записана от крестьянина А. Чукова из деревни Горка на Пудоге. А былина «Добрыня и Алёша» записана в деревне Пога на Водлозере от крестьянина 82 лет Ивана Григорьевича Захарова. Он был человек «волокитный», то есть разъезжал много по деревням для покупки и перепродажи рыбы, скота, хлеба, пороха. Во время поездок он выучился множеству былин. Былины пел он складно, приятным голосом и на разные напевы.

Имя «Добрыня» встречается теперь только в былинах; своим сыновьям, к сожалению, никто теперь не даёт этого хорошего имени. Оно сохранилось лишь в фамилии — Добрынин да в названии улицы, площади — Добрынинская. А между тем в Древней Руси в X—XIII веках это было распространённое имя. Оно часто упоминается в летописях. Так звали, например, дядю киевского князя Владимира Мономаха, который часто помогал князю и делом и умным советом.

Учёные, изучающие историю Древней Руси, считают, что Добрыня, дядя князя Владимира, и изображён в былинах.

Былинный Добрыня — верный друг Ильи Муромца, храбрый могучий богатырь. Он славится не только богатырскими подвигами, но и «вежеством» — учёностью, культурой, уменьем умно, толково разговаривать, сметливостью. Поэтому князь Владимир в былинах — в соответствии с тем, как Добрыню изображают летописи,— посылает его со сложными поручениями то к татарскому хану, то к соседним князьям, то к рассердившемуся на князя Илье Муромцу.

В былине «Добрыня и Змей» отразилась борьба русских людей с захватчиками-иноземцами, уводившими в плен русских людей. Добрыня вступает в единоборство со Змеем и освобождает пленников.

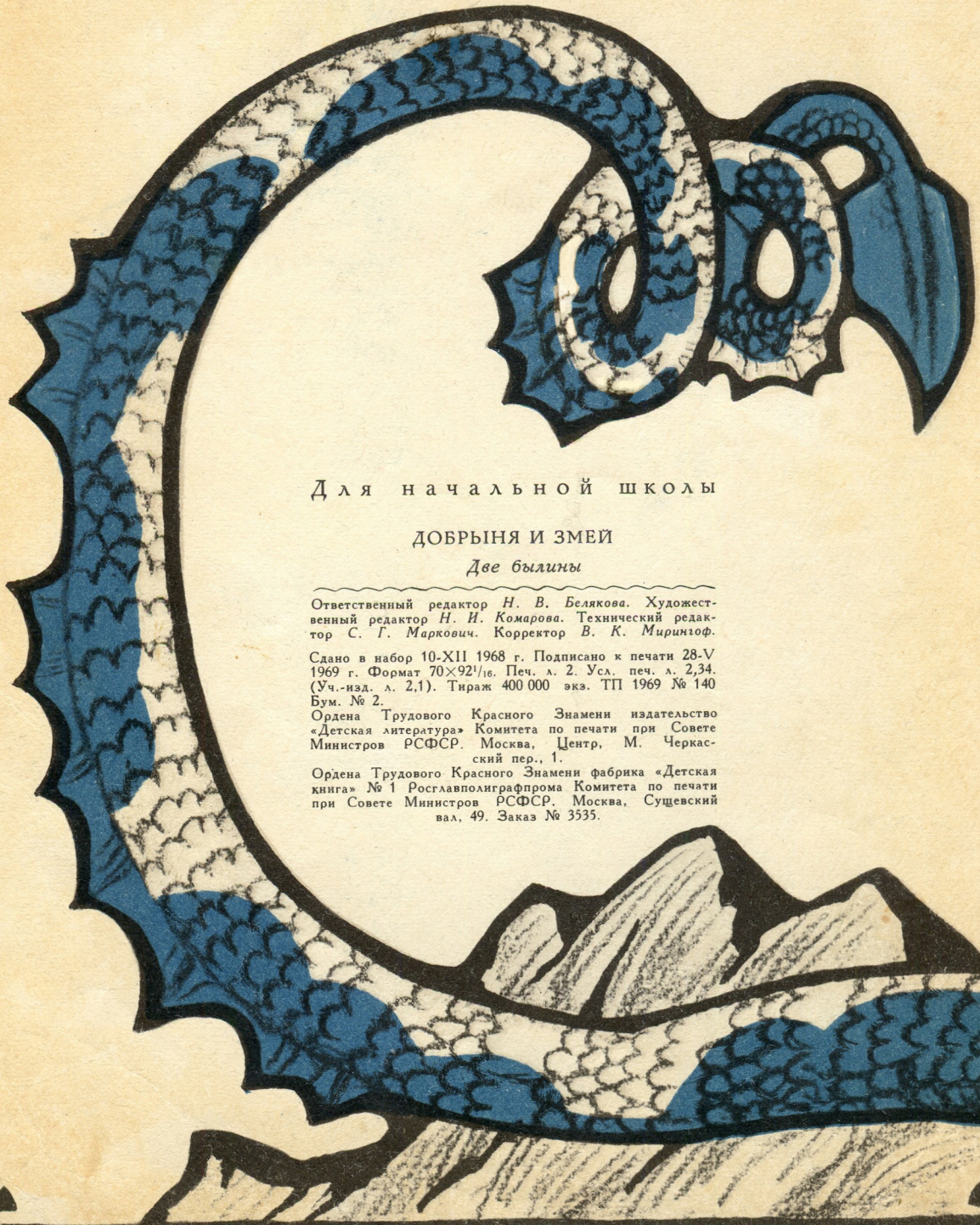
Выполняет он и трудное поручение князя — отнимает у Змея князеву племянницу.

Рядом с Добрыней в былинах часто действует и другой богатырь, защитник русской земли — Алёша Попович. О нём также говорится в исторических документах: он соратник Александра Невского, геройски участвовал в битве со шведами. Но былины нередко изображают плохие поступки Алёши, приписывают ему коварство, неверность в дружбе, как об этом вы прочитали в былине «Добрыня и Алёша».

Былины жили в памяти русских людей несколько веков. Поэтому многие имена, названия, события в них иногда искажены. Так, например, матерью Добрыни называется то Офимья Александровна, то Амельфа Тимофеевна. Вместо «Почайны», притока Днепра, говорится «Пучай-река». Но главное — героическое содержание, патриотический дух — не исчезло из былин, сохранилось до наших дней. Былины — это и сказка, и исторический документ о прошлом нашей страны.

Л. Шувалова

Цена 7 коп.



Для начальной школы

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Две былины

Ответственный редактор *Н. В. Белякова.* Художественный редактор *Н. И. Комарова.* Технический редактор *С. Г. Маркович.* Корректор *В. К. Мирингоф.*

Сдано в набор 10-XII 1968 г. Подписано к печати 28-V 1969 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. (Уч.-изд. л. 2,1). Тираж 400 000 экз. ТП 1969 № 140 Бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3535.